

ЭНИИ
ДАЙВЕР

я тебя
ИСПОРЧУ

Энни Дайвер
Я тебя испорчу

«Литнет»

2025

Дайвер Э.

Я тебя испорчу / Э. Дайвер — «Литнет», 2025

Его боятся и стараются обходить стороной. Он не просто гроза университета. Ян Сташевский — король, безумный и бесстрашный. Толпы поклонниц, отобранная свита и десятки приспешников. Рядом с ним хотят быть все, кроме меня. Три года я избегаю Яна. Игнорирую на лекциях, которые читаю и на которые он послушно ходит, не пропустив ни одной. Но в один день моя жизнь переворачивается с ног на голову, и единственным, кто может спасти репутацию молодого преподавателя, оказывается Ян. Вот только плата мне не понравится.____Осторожно, мат герой неоднозначный, серая мораль, много откровенных сцен

© Дайвер Э., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	31
Глава 13	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Три года назад

— Валерия Петровна, до комендантского часа пять минут. Студенческий городок не может работать круглосуточно, — строго говорит в телефонную трубку комендант, пока я вдавливаю педаль газа в пол, надеясь успеть.

Навигатор сообщает, что я буду на месте через три минуты. Я уже вижу шлагбаум вдалеке, мне остается только до него доехать и найти место на парковке. В Шикарский университет я попала по большой случайности, и опоздать в первый день, пусть и не на работу — катастрофа для репутации. Но я не виновата, что в дороге у меня лопнуло колесо, и мне пришлось потратить шесть часов на вызов эвакуатора и ремонт.

— Я уже возле шлагбаума, — притормаживаю, жду, когда мне откроют. Номер машины для внесения в базу я сообщила еще вчера, и вуаля — двери открываются, впуская меня в студенческий городок, который в Шикаре представляет собой элитный жилой комплекс из нескольких высоток. — Паркуюсь.

— Хорошо. Я возле девятого корпуса. Карта у вас есть?

Я бы, признаться честно, продолжила пользоваться навигатором. Здесь обстановка круче, чем в столице, а заблудиться можно за несколько секунд.

— Да, я вас найду.

Занимаю первое свободное место и стремительно вылетаю из машины на скорости пробки от бутылки шампанского. Девятый корпус находится в противоположном конце, и я почти срываюсь на бег, но вовремя себя одергиваю. Преподаватели не бегают в панике по улицам, пусть всего пару месяцев назад они и были выпускниками.

Собрав всю волю в кулак, я заставляю себя идти с гордо выпрямленной спиной. Даже не смотрю по сторонам.

— Куда-то спешишь, птичка? — передо мной, словно из ниоткуда, появляется какой-то парень. Черная футболка, темные джинсы и идеально зашнурованные берцы. Лицо его прячется под козырьком кепки, и в свете фонарей я вижу только его мощный подбородок, к слову, идеально выбритый вопреки моде на лицевую растительность. Он ухмыляется, обнажая ровные зубы.

По спине пробегает морозец, хотя на улице сегодня тепло. Я зачем-то продолжаю смотреть на незнакомца передо мной, и он позволяет себя разглядывать.

— В девятый корпус, — отвечаю, кивнув. Делаю шаг в сторону, собираясь обойти парня и продолжить путь. В конце концов, я и так заставила коменданта ждать, а рабочий день никто не отменял.

— О, птичка высоко летает, — комментирует незнакомец и, развернувшись, идет рядом со мной, шагая с точно такой же скоростью. Черт, чего он вообще прицепился? Я вижу редких студентов, бегущих к своим корпусам. Заметив нас, они быстро отводят глаза.

В затылке зудит неприятное предчувствие. Что это за тип вообще, на которого все боятся посмотреть? Местный король? Сын мэра или внук ректора?

— Ты новый препод, — утверждает незнакомец. Я просто продолжаю идти, делая вид, что его не существует.

Я ни за что не стану знакомиться со студентами ночью на улице. Это, как минимум, непедagogично. Как максимум, небезопасно. Студенты в Шикаре — поголовно наследники семейных империи или создатели стартапов. Обучение здесь стоит так дорого, что за степень бакалавра можно приобрести трешку в городе-миллионнике в хорошем районе. Поэтому здесь нет простых студентов. Каждый рос в норковых пеленках.

— И по какому предмету? — не унимается незнакомец. Со стороны мы наверняка выглядим как парочка. И это плохо. Я не хочу начинать карьеру со слухов, а в университетской среде они разносятся со скоростью света. Я не так давно выпустилась, чтобы успеть забыть. — Скажи. Хочу знать, какие пары мне нельзя пропускать.

— Извините, я спешу, — ускоряю шаг, надеясь, что он не пойдет за мной, но он продолжает преследовать. Или даже вести, словно знает, что я не найду нужный корпус самостоятельно. Слишком сильно нервничаю.

Увидев на дорожке женщину в возрасте, с облегчением выдыхаю. Осталось совсем чуть-чуть.

— Ответь, — требует парень, обгоняя и останавливаясь передо мной. Шаг влево — он делает так же. Вправо — и снова мое лицо утыкается в его грудь. Черт. Страх расплзается под кожей. Я не знаю, почему боюсь, но незнакомец всей фигурой внушает опасность. Слишком уверенный, слишком раскованный, чересчур наглый — опасное комбо. От таких, как он, стоит держаться подальше. — Она подождет.

Вот он, мажор во всей красе, считающий, что мир крутится вокруг него.

— Нет, не подождет, — отступаю на шаг. — Слушай, отстань от меня. И комендантский час вот-вот. Ты не опоздаешь в свой корпус?

Он усмехается. От него сквозит высокомерием.

— Комендантский час придумали для хороших девочек, чтобы плохие парни знали, где их искать, — он наступает. Мы так близко, что я чувствую древесный аромат его парфюма, тяжелый и манящий, прямо как энергетика его обладателя.

— Пропусти, — требую дрожащим голосом. Мне говорили, что я зря еду в Шикар, но я не слушала, полагая, что справлюсь с местными нравами. И вот — первое препятствие, а у меня трясутся поджилки. Как от него избавиться?

— Это будет единственный раз, когда я тебя отпускаю, — он протягивает руку и касается моего лица. Я в панике пчусь назад. В месте, где он дотронулся, кожа горит. Как будто крапивой ужалено. — Запомни этот момент, птичка, в следующий раз тебе уже не удастся от меня улететь.

И он отпускает меня. Вот так просто отходит в сторону и ждет. Я не мешкаю — почти бегу вперед, чувствуя, как лопатки жжет от тяжелого взгляда. Я не видела его глаз, но почему-то кажется, что он очень тяжело смотрит.

— Добрый вечер, — останавливаюсь перед комендантом — женщиной за пятьдесят в спортивном костюме. — Еще раз извините за опоздание.

Женщина, которая была готова уничтожить меня в телефонном разговоре, вдруг берет меня под руку и заботливо гладит по плечу.

— Пойдем, милочка, пойдем скорее, — она заводит меня в корпус с большим светлым лобби, в котором горит свет. На входе стойка консьержа, но за ней никого нет. Женщина озирается, смотрит сквозь большие витринные стекла, стараясь кого-то разглядеть.

Только отступившая паника снова подкатывает к горлу. Мы что, прячемся?

— Я дам тебе ключи от квартиры на этаже проректора, — она суетливо перебирает связки ключей. Что-то записывает в большой тетради. — Может, так он от тебя отстанет.

— Он? — по рукам бегут мурашки. Теперь я тоже озираюсь. В горле пересыхает. — Вы имеете в виду того парня, который шел со мной?

Женщина вздыхает и качает головой. Снимает с крючка ключи и трет переносицу.

— Это Ян Сташевский. И лучше бы тебе не попадаться ему на глаза.

Глава 1

Настоящее время

— Риторика — это, в первую очередь, искусство мыслить, — мой голос все еще дрожит, несмотря на то, что прошла половина пары. — Прежде чем сказать, вы должны проанализировать аудиторию, — опускаю глаза в лист с лекцией. Я знаю ее наизусть, но все равно боюсь что-то упустить. — Что им нужно? Что они ценят? Что хотят и готовы услышать? — делаю паузу, давая студентам внести информацию в конспект. — Следующее: структурировать свои аргументы, то есть выстроить логичную цепочку повествования и собственной речи. И последнее...

— Подождите! — выкрикивает кто-то из аудитории, и я замолкаю в ожидании.

Это мой первый курс лекций за три года. До этого мне давали вести только семинары, потому что преподаватели устали слушать бред студентов, для которых этот предмет даже не профильный. А теперь я доросла до серьезного уровня. Возможно, все дело в том, что я наконец закончила аспирантуру, и теперь являюсь кандидатом наук. На меня наконец перестали смотреть, как на девочку, вышедшую из-за парты зачитать вызубренный материал.

Обвожу взглядом аудиторию, выискивая тех, кто уже записал. Мне достались второкурсники, потоковая лекция. Здесь почти сотня человек, а может, и больше, я пока не сверилась со списками, но мой взгляд примагничивается к фигуре в дальнем углу. За три года он посетил почти все мои занятия. В Шикарском университете довольно гибкая система: здесь прийти на лекцию или семинар может любой желающий, если это не нарушает его учебное расписание и не снижает успеваемость. И Ян Сташевский считает, что мои семинары и лекции важнее информационной безопасности.

Он не делает ничего — не задает вопросов, не провоцирует аудиторию, не разговаривает со мной. Просто слушает. И смотрит. Ни на секунду не отводит взгляда. Поначалу было страшно и жутко. Ян был наглым и слишком способным первокурсником. Его хвалили другие преподаватели, после первой сессии Сташевский стал кумиром профессорского состава и к четвертому курсу закрывал экзамены «автоматом». И с каждым семестром появлялся в моем кабинете чаще и чаще.

Я уже почти привыкла, но сегодня почему-то все ощущается по-другому. Может быть, дело во мне? Я никогда не говорила так много на занятиях. В основном слушала, делала пометки и иногда вступала в диалог. Сегодня же — я звезда дня.

— И последнее, что вы должны сделать, прежде чем выступить с речью — предвидеть контраргументы и быть к ним готовым, — заканчиваю фразу и переворачиваю лист. Пока все идет как по маслу.

— А если я хорошо импровизирую? — выкрикивает парень из аудитории, подняв руку.

— Представьтесь, пожалуйста, — прошу и поднимаюсь со своего места.

— Елизаров Артем, ПМ-221.

Киваю и делаю пометку в блокноте. В списки студентов пока не лезу, их слишком много, чтобы в первый день ориентироваться в именах и отыскивать фамилии.

— Давайте представим такую ситуацию, Артем, — не спеша иду к кафедре. — Вы проходите собеседование в крупную компанию. У вас нет карьерного опыта, но есть амбиции и сильное желание. Новеньких отбирают на конкурсной основе. И вот вы проходите этапы вровень с другим кандидатом. Знания и возможности у вас одинаковые и держатся на высоком уровне. Впереди — собеседование с руководителем, по итогам которого вам сообщат решение. Как вы думаете, возьмут человека, который четко и по пунктам представит себя, разберет все на части и порефлексирует над стажировочным заданием или импровизатора, который будет отвечать на вопросы и каждый раз уводить разговор в другую сторону?

— Того, за кого уже договорились, — ржет он на всю аудиторию. Ребята тоже подхватывают, а я снижаю. Как объяснить, почему нужно уметь разговаривать? Во взрослом обществе, как бы то ни было, многое решают именно беседой. И чем лучше прокачан этот скилл, тем легче двигаться по жизни. Язык может довести куда угодно.

— Вот видите, Артем! — вдруг на меня снисходит озарение, и я даже улыбаюсь, ликуя. По коже распространяется жар, и я уже знаю, что причина его — в особо пристальном взгляде с верхнего ряда. — До-го-во-ри-лись. Ключевое слово в вашей реплике. То есть использовали аргументы, продумали контраргументы и успешно провели коммуникацию.

— Понял. Учимся трюндеть красиво, — кивает он.

Я улыбаюсь шире. Зачем-то поднимаю взгляд и смотрю на Яна, словно мне нужно его одобрение или поощрение. Не нужно. Но сердце предательски стучит быстрее, когда Сташевский приподнимает уголок губ в ухмылке.

— Подбодрю вас немного. Импровизация тоже бывает выгодна, но при условии, что человек подкован в теме и обладает широким кругозором. Но об этом мы поговорим чуть позже. А пока давайте отметим присутствующих, — возвращаюсь на свое место, но не успеваю сесть — по всей аудитории разом проносится звук входящих сообщений: у кого-то срабатывает звуковой сигнал, у других просто вибрация, у третьих вспыхивают фонарики.

Экран моего телефона тоже загорается, и во всплывающем окне я успеваю увидеть надпись заглавными буквами: «ВКЛЮЧИ».

По аудитории проносятся шепотки, кто-то присвистывает. Все почему-то смотрят на меня, и мне хочется оттянуть горловину рубашки, чтобы немного вдохнуть.

— А вы, оказывается, та еще штучка, Валерия Петровна, — комментирует кто-то.

Аудитория взрывается смехом, обсуждения становятся бурными. Косых взглядов все больше. Мальчики смотрят с интересом, девочки — со смесью отвращения и сожаления.

Господи, да что там пришло?

Глава 2

Открыть сообщение не успеваю — телефон оживает в руках. Декан.

Обвожу растерянным взглядом аудиторию. Гул нарастает. Переговариваются все, взгляды парней становятся сальными, будто я стою перед ними в одном белье. И только одна пара глаз остается такой же холодной и бесстрашной. Я зачем-то фокусируюсь на Сташевском, будто только он может удержать меня от падения. Тело стягивает невидимой проволокой, я не могу сделать вдох. Сердце стучит в горле, а спазм тошноты уже в третий раз повторяется в желудке.

— Извините, — с трудом выдавливаю из себя и, устремившись к выходу, принимаю вызов. Когда оказываюсь за дверью, приваливаюсь к ней спиной. В коридоре пусто, и я наконец могу вдохнуть полной грудью. Прикладываю трубку к уху. Тяжело сглатываю, прежде чем произнести неуверенное: — Здравствуйте.

— Валерия Петровна, зайдите ко мне немедленно. Просто выйдите из аудитории и идите в мой кабинет.

— Х-Хорошо, — заикаюсь от волнения.

— Жду, — рявкает декан и отключается.

Касаюсь пальцами шеи и немного оттягиваю кожу, надеясь, что это ослабит давление и позволит вдохнуть. Дрожащими руками все-таки открываю сообщение, медленно переставляя ноги в сторону кабинета декана. Иду вдоль стенки, держась за нее свободной рукой.

В сообщении видео, на предпросмотре черный экран. Предчувствие подсказывает, что содержание мне не понравится. Я начинаю соотносить взгляды студентов с тем, что может быть в ролике. Что там? Кто-то решил поупражняться с нейросетью и сделал фейковое видео с преподавательским составом?

Нажимаю воспроизвести и едва не падаю в обморок от того, что вижу. Там... я. В спальне Димы, моего бывшего жениха и по совместительству проректора университета. Господи, почему он не сказал, что в его квартире установлена камера?

Опираюсь плечом о стену. Ноги перестают держать, а сердце грохочет так, что стук пульса громче набата в ушах.

Я слишком хорошо помню, что происходило в тот день. Дима сказал, что иногда в сексе ему нравится доминировать и предложил попробовать. Я надела кружевное белье, новый комплект, подаренный им же. Он полулежал в кровати, как шейх. Я — робко переминалась с ноги на ногу в дверях. В приглушенном свете все казалось другим, настроение у нас обоих было игривое. Я немного покружилась, помню, как робела, виляя бедрами. И помню фразу, после которой все полетело в тартарары.

«Встань на колени и ползи к своему хозяину».

Меня снова передергивает, потому что... такие игры мне не подходят. Я поняла, что не смогу подчиниться, передать контроль. Внутри что-то воспротивилось, стоило мне опуститься на колени. Я только подняла голову и посмотрела вперед, как тут же встала и, пробормотав вялое «извини», выбежала из комнаты, по пути собирая свою одежду. Но видео, конечно же, заканчивается на том моменте, где я становлюсь на четвереньки и собираюсь ползти, как послушная девочка, будто мы в чертовом порно.

Видео явно прошло монтаж: кто-то поработал с кадрированием и затемнил интерьер, чтобы было трудно распознать, чья это комната. А еще я в фокусе на протяжении всего ролика. И пусть качество плохое, но не узнать невозможно.

Перед глазами все расплывается, но я продолжаю идти. Не помню, как добираюсь до кабинета декана. На входе сталкиваюсь с ректором и... с Димой. Он все такой же ухоженный, немного отстраненный и уверенный. Как будто на видео не его голос и он ни к чему не прича-

стен. Молодой амбициозный проректор. Ему всего тридцать пять, а он уже дорос до высокой должности, и ему пророчат место ректора в ближайшем будущем, потому что спонсоры ценят его больше, чем нынешнего главу университета. Дима... Дмитрий Сергеевич смотрит на меня с сочувствием. Я вернула ему кольцо неделю назад, и с тех пор он не предпринимал никаких попыток со мной заговорить. Слышала только, что он переехал в новый дом. Небольшой, но стоящий где-то в конце студенческого городка.

Мужчины пропускают меня вперед. Оказавшись в небольшом кабинете, мы садимся за стол. Дима располагается напротив, его колени касаются моих под столом. Он едва заметно кивает мне. Я прячу руки под стол и сжимаю кулаки.

— Спасибо, что пришли так быстро, Валерия Петровна, — начинает декан, снимая очки и протирая линзы салфеткой.

Тяжелый вздох разносится по кабинету. В глазах печет. Я вот-вот расплачусь. Впиваюсь ногтями в свое бедро, отвлекая от мыслей. Не сейчас. Ни в коем случае нельзя погружаться во все, вспоминать и реветь на виду у всех. Я жертва в этой ситуации, а не виновница.

— Думаю, все понимают, почему мы здесь собрались, — говорит ректор. Он выглядит встревоженным. — В Шикарском университете ценятся знания, честь и достоинство. И под этим мы подразумеваем не только постулаты, которые пытаемся донести до студентов, но и определенные... правила, накладываемые на преподавательский состав. Не выкладывать провокационные фото, не носить в студгородке и на территории университета откровенные наряды и не давать поводов для сплетен.

Чем дальше заходит речь ректора, тем быстрее растет протест внутри меня. Мы, кажется, сворачиваем не в ту сторону.

— Мою личную жизнь выставили на всеобщее обозрение, и вы пытаетесь обвинить во всем меня?

Бросаю взгляд на Диму, надеясь, что он меня как-то поддержит. В конце концов, все это случилось из-за него. Но Верещагин молчит, только поджимает губы и качает головой, предостерегая меня от дальнейшей перепалки. Мои брови подлетают вверх. Серьезно? Он оставляет меня с этим один на один?

— Я понимаю и не умаляю этого факта. Но поймите, это скандал. У преподавателей Шикарского университета безупречная репутация. И это правило не имеет исключений, — он выкладывает передо мной белый лист и передает ручку. — Мы выплатим вам компенсацию в размере заработной платы за весь год. И со своей стороны я обещаю найти того, кто сделал массовую рассылку. Не думайте, что мы спустим все на тормозах. Но так будет лучше для всех.

— Для всех, кроме меня, — игнорирую предложенные условия и белый лист. Тошно от одного взгляда на него.

Еще утром я думала, каким прекрасным будет день и новый год. Преподаватель, курс лекций, новый статус. Я была такой счастливой!

А теперь все превращается в карточный домик, который сдувает порывом ветра.

Пульс давит в виски. Я по очереди смотрю на мужчин. Ищу хотя бы в ком-то из них поддержку. Дима отворачивается к окну, избегая встречаться со мной взглядом.

— Валерия, прошу вас, не усложняйте.

— А вам не интересно узнать, с кем я была? Вы ведь понимаете, что все происходило на территории университета? — я не пойду ко дну в одиночестве. Ни за что. Дима сможет вытащить себя, а значит, защитит и меня. Ему придется это сделать, если он хочет и дальше строить карьеру.

— Вы на что-то намекаете, Валерия? — наконец подает голос Верещагин.

В этот момент дверь кабинета распахивается, и на пороге появляется Сташевский. Как ночной кошмар, чертов сонный паралич, который приходится пережить, потому что я не могу проснуться.

— Полагаю, Валерия намекает на меня, — ухмыльнувшись, он уверенно проходит внутрь и идет напрямик ко мне.

Глава 3

Сердце проваливается вниз. Я неверяще смотрю на Сташевского. Что он вообще здесь забыл?

Немой вопрос отражается на лицах всех присутствующих, и только Ян сохраняет уверенность в себе. Откуда у него такая выдержка? Поговаривают, его брат — глава сербской мафии, а судя по тому, какое положение Сташевский занимает в университете, так все и есть.

С трудом сглатываю и выпрямляю спину, когда Ян, со скрипом отодвинув стул, садится рядом со мной. Он бросает на меня мимолетный взгляд, уголок губ поднимается в слабой улыбке. Я качаю головой, не понимая, что он здесь забыл, и предостерегая от опрометчивых действий. Почему-то кажется, что Сташевский на них способен.

— Это закрытое совещание, Ян, — говорит Верещагин, явно недовольный происходящим. — Только для преподавательского состава. Покинь кабинет.

Сташевский вальяжно разваливается на стуле. Он смотрит на всех свысока, в нем никто из мужчин не вызывает уважения. Я... про себя я вообще молчу. На кафедре иногда проскальзывает слух, что Ян — мой фанат, раз посещает почти все занятия, даже те, что не значатся в ленте его расписания. За три года я смирилась и перестала обращать внимание. Но что если... я недооценила странного студента, который всегда себе на уме?

— Я вижу здесь только одного преподавателя и руководящий состав.

— Это не касается студентов.

— Остальных нет. А вот меня — да, — от стали в его голосе звенит в ушах. — Вы ведь обсуждаете рассылку, которую получили все в университете?

Ян поворачивает голову в мою сторону. Смотрит на меня, долго и пристально. Словно пытается найти на моем лице что-то, кроме растерянности. Это самый длительный наш зрительный контакт за три года. Конечно, я знала, что он пялится на меня на занятиях, я научилась кожей чувствовать его взгляд. Но сейчас... все совершенно по-другому. Во взгляде Сташевского тьма, способная поглотить меня с головой. Растворить и уничтожить.

Он опускает руку к моим под столом, берет одну и переплетает наши пальцы. Ладонь Яна большая и теплая. Я сопротивляюсь, напрягая плечо, когда он тянет наши переплетенные руки вверх, демонстративно, неправильно. Я зачем-то смотрю на Диму, пытаюсь прочесть его без слов. Раньше у меня получалось, но сейчас... Я слишком ошеломлена происходящим.

Сташевский подносит мою ладонь к губам и оставляет на тыльной стороне поцелуй. Прикосновение жжет кожу, как то, которое было в первую нашу встречу. Он будто оставляет на мне клеймо, всего лишь прижавшись губами на пару секунд. К страху за собственную жизнь и карьеру добавляется еще что-то темное, туманное, что я не в силах разобрать.

— Что ты делаешь?.. — тихо пишу я, надеясь провалиться на месте. Мало мне порно-видео, так теперь еще и роман со студентом добавится. И в отличие от ролика — выдуманный на сто процентов. Вырвать ладонь не получается — Сташевский держит крепко.

В кабинете становится душно, хочется оттянуть горловину рубашки, чтобы получить хотя бы немного свежего воздуха и остыть.

— Ян, что за представление ты устраиваешь? — хмурится ректор, но его уверенность тает на глазах. Смелый он только когда дело касается моего увольнения.

— Всего лишь хочу кое-что прояснить, — он обводит мужчин взглядом. Убирает наши ладони под стол и кладет их на свое бедро.

Чувствую, как к щекам приливает краска. Опускаю голову. Смотрю на наши пальцы. У меня они длинные и музыкальные — по крайней мере, так мне всегда говорила бабушка и школьные учителя. Но моя ладошка все равно оказывается маленькой по сравнению с рукой Яна.

Воспользовавшись секундной паузой, убираю руку. Чтобы у Сташевского больше не возникло соблазнов меня трогать, кладу ладони на стол.

— И? — в нетерпении спрашивает декан.

Обстановка накаляется с каждой секундой. Мужчины напряженно дышат. Я, наоборот, забываю делать вдохи и выдохи.

Ян ждет. Испытывает терпение.

— Говори же! — первым сдается Верещагин.

— Обсуждать личную жизнь Валерии — значит, обсуждать мою личную жизнь. А я не терплю вмешательств в нее, — Ян делает паузу. Я чувствую, как покрываюсь холодным потом. В затылке звенит. — Лучше посодействуйте в поисках того, кто распространил это видео. Недели должно хватить, — Ян снова обращает внимание на меня. Улыбается, тепло и просто, будто мы и правда вместе, причем не день или месяц, а несколько лет. Будто знает меня давным-давно. — Тебе есть что добавить, малыш?

Малыш? Добавить? Голова идет кругом, а приступ тошноты подкатывает к горлу. Что он вообще делает? Меня теперь точно уволят. Я потеряю место, меня внесут в черный список работодателей, и я больше никогда не смогу трудоустроиться в приличный университет. Буду до конца жизни пахать в техникумах и смотреть на студентов, которым от жизни ничего не нужно.

Слезы выступают перед глазами, я не вижу почти ничего. Качаю головой.

Я хочу просто уйти отсюда. Исчезнуть. Спрятаться в своей квартире и сделать вид, что ничего из этого не было. Что сегодняшнего дня просто не было.

— Тогда нам больше нечего здесь делать, — Сташевский встает первым и подает мне руку. Игнорируя ее, поднимаюсь. Слез в глазах становится больше. Скучное содержимое желудка рвется наружу в подкатывающем приступе тошноты. — И еще, — Ян ставит указательный палец на стол. Мой желудок скручивает от острой боли. Перед глазами мелькают белые вспышки. — Надеюсь, вы не предусматриваете никакой замены преподавателя или увольнение, — кабинет плывет, словно мы оказались в невесомости и теперь медленно парим. Или это я одна? Голос Яна звучит медленнее или мне только кажется? На коже снова выступает испарина. — Валерии Петровне нужна помощь с решением проблемы, и родной университет ей в этом поможет. Так ведь?

Я не слышу ответа, он превращается в белый шум. Прижав ладонь ко рту, выбегаю из кабинета и несусь к ближайшему туалету.

Глава 4

Тело дрожит, а волосы прилипают к шее и ко лбу, пока я опустошаю свой желудок, склонившись над унитазом. Слезы безостановочно текут из глаз. Моя жизнь катится в пропасть, из которой я ни за что не выберусь, а я даже не у руля! Сначала я долго боролась с отцовским воспитанием, который посчитал, что дочь должна пойти по его стопам и стать преподавателем. Спасибо, что от математики удалось уйти. Потом появился Дима, за которого я чуть было не вышла замуж. И теперь... Сташевский — самый опасный из всех, потому что я не знаю, чего от него ожидать.

Сажусь на пол кабинки, забывая о гигиене и вообще о каких бы то ни было приличиях. Руки дрожат, я даже слезы стереть не могу. Во рту кисло, и от этого вкуса новый приступ тошноты снова отзывается спазмом в желудке.

Как быть? Что делать дальше? Как вообще сейчас выйти из туалета и вернуться хотя бы за своими вещами, не говоря уже об остальном? Хочется завывать от страха и отчаяния, но вместо этого я закусываю щеку изнутри. Потому что я в общественном месте и потому что пока я все еще преподаватель, а значит, надо держать лицо, даже если оно немного покосилось и опухло от слез.

Мозг убедить проще, чем тело. Оно дрожит, плечи ссутуливаются, а в желудке теперь пустота, словно его надули, но внутрь ничего не положили. Я не знаю, сколько времени здесь провожу. Телефон остался у декана, салфетки и дежурная косметичка — в лекционной аудитории. Я в полной заднице, потому что мне придется совершить этот круг позора. Кое-как поднявшись на ноги, отматываю туалетную бумагу и выхожу, промакивая слезы.

В туалете пусто, и я подхожу к раковине, наконец решаясь посмотреть в зеркало. Час. Всего лишь час, и от счастливой и уверенной в себе женщины не осталось и следа. Из отражения на меня смотрит напуганная и осунувшаяся девушка с растрепанными волосами и остатками рвоты в уголке губ.

Открыв кран, умываюсь, осторожно обходя глаза, чтобы не задеть тушь еще сильнее. Справившись с лицом, намыливаю руки. Особо тщательно тру ту ладонь, которую держал Ян, словно это поможет избавиться от жжения под кожей.

С чего начать? Зайти к декану сначала или все-таки забрать вещи из аудитории? Я даже уйти не смогу, потому что ключи от квартиры в сумке. Моя жизнь превращается в хаос быстрее, чем я успеваю к нему адаптироваться.

И мне в голову не приходит ни одно решение.

Идиот-Сташевский. Зачем он вообще влез? Что за рыцарский порыв? Откуда взялся только? Три года тишины, шесть семестров молчаливого присутствия. Я смирилась с тем, что в университете он всегда рядом, почти перестала обращать внимание. Но почему он бросился меня защищать, подставляя себя? Тем более, что его ложь легко разрушить.

Слышу, как открывается дверь. Тяжелые шаги эхом разносятся по помещению.

По спине пробегают мурашки. Тело напрягается, словно я зверек, на которого охотится огромный хищник. Опасность. Чувство, которое возникает каждый раз, когда Ян оказывается рядом. Узнаю по идеально чистым берцам.

Игнорирую его. Может, если я сделаю вид, что его не существует, он и правда исчезнет? Что он вообще здесь забыл? Пришел поиздеваться? Или станет требовать разыгрывать спектакль, по сюжету которого мы притворяемся счастливой парой? Как бы не так!

Сташевский уходит не планирует. Дождавшись, когда я закончу, разворачивает лицом к себе. Первый порыв — отстраниться, но Ян, словно предугадав, сжимает мое плечо в немом предупреждении. Бросаю взгляд на наше отражение в зеркале. Сташевский — скала, нависающая надо мной. И я... маленький камешек, брошенный в море в разгар шторма.

— Твоя сумка, — оставляет ее на моем предплечье и тянется к карману. — Телефон, — достав из кармана, показывает и убирает в карман своей толстовки. Снова трогает меня, словно в этом нет ничего необычного. Словно мы на самом деле пара. — И я принес тебе воду и жвачку.

Вручает мне закрытую бутылку и новую пачку дорогой мятной жвачки. Где только ее нашел?

— Это лишнее, — качнув головой, собираюсь отказаться, но Ян снова идет на опережение и вкладывает мне бутылку в ладонь. Сжимает мои пальцы, вынуждая принять помощь. — Что ты вообще устроил? Зачем пришел в кабинет? Тебя никто не просил устраивать спектакль!

— Стоило начать со спасибо, — пресекает мою истерику коротким комментарием, так что я почти давлюсь воздухом, не зная, как парировать. Конечно, можно продолжить, сделав вид, что мне плевать на все, что он говорит и делает. Но язык почему-то прилипает к небу, а из головы разлетаются все мысли. Ян все еще слишком близко, и это дезориентирует.

— За то, что испортил мне жизнь? И не надейся, — обиженно фыркаю и прикладываю прохладную бутылку ко лбу. — Ты соврал всем, ты в курсе вообще?

— Тише, птишка, — Ян прикладывает палец к губам. — Здесь не место для подобных разговоров.

— Я бы вообще предпочла с тобой не разговаривать. Отдай телефон, — протягиваю свободную руку, но вместо того, чтобы вернуть смартфон, Ян снова переплетает наши пальцы, отчего тело коротит, как от слабого разряда тока.

— Сегодня и завтра у тебя оплачиваемые выходные. Я отвезу тебя домой, за руль ты сейчас не сядешь, — не обращая внимания на мои слова, Сташевский ведет меня в коридор. Мы вместе выходим на улицу, студентов мало, но на нас не решаются даже случайно посмотреть. У Яна странная репутация на весь университет, и сейчас я радуюсь такому положению дел, потому что не выдержала бы еще одного сального взгляда или осуждения.

На улице становится чуть легче дышать. Свежий воздух остужает мысли, прекращая их бессмысленный бег в моей голове. Размер задницы, в которой я оказалась, от этого не уменьшается, но пока я беру паузу и сосредотачиваюсь на том, на что — наверное — могу повлиять.

— Зачем ты все это делаешь? — спрашиваю, когда мы подходим к его машине. Черный внедорожник, огромный, устрашающий, как и его хозяин.

— Потому что хочу.

Глава 5

— Я не поеду с тобой никуда, — голос предательски дрожит от сдерживаемых слез. Меньше всего на свете мне хочется сейчас держать лицо и оставаться сильной. Я бы с большим удовольствием продолжила убиваться на полу туалета.

— Это не обсуждается, — Ян открывает дверцу с пассажирской стороны и ждет.

Секунда, две, три ничего не происходит. Я не собираюсь делать вид, что мне нравится происходящее. Сташевский из ума выжил, если думает, что три года молчаливого наблюдения дают ему право мной командовать.

— Именно, — соглашаюсь с ним хоть в чем-то. — Поэтому верни мне телефон и уезжай.

— Что ты готова сделать ради этого? — он прищуривается. Уголок губ нервно дергается. Ян тяжело сглатывает.

На парковке начинают появляться люди. Так всегда бывает между парами: кто-то только приезжает, кто-то собирается уйти. Круговорот студентов и преподавателей.

— Что? Ты забрал мою вещь!

— Это не ответ, — Сташевский медленно качает головой, оттесняя к своей машине.

Я оказываюсь в стороне ото всех, но одновременно с тем нахожусь в шаге от одного неверного движения, которое окончательно уничтожит меня в глазах всего университета. В растерянности хватаюсь за первую эмоцию, которая горит ярче обычного.

Порывисто толкаю Яна в грудь. К черту его, к черту телефон и вообще весь сегодняшний день. Пусть они все оставят меня в покое.

— Я не собираюсь играть в твои игры. Не хочешь отдавать телефон, оставь себе, — делаю шаг в сторону.

Сердце колотится в груди, дыхание становится поверхностным. Я невероятно горда собой и тем, что еще могу стоять на ногах. Нужно теперь с такой же уверенностью уйти, не ссутулив плечи и не опустив понуро голову. Делаю шаг в сторону, протискиваясь между внедорожником и Сташевским. Странно, что он, как и большинство местных мажоров, не выбрал для себя скоростной седан. Было бы гораздо проще.

О втором шаге не успеваю даже задуматься — Ян обхватывает мое плечо и резким движением заталкивает меня в салон. Я успеваю только взвизгнуть и броситься наружу, но его горячая широкая ладонь ложится мне на ключицы, пальцы подбираются к основанию шеи, легонько ее сжимая.

— Ладно. Если с предложениями пока туго, то выбор предоставляю я, — он усмехается. Наши лица так близко, что я чувствую его мятное дыхание на своих губах. Тут же жалею, что не отправила одну пластинку себе в рот. — Либо ты ведешь себя, как хорошая девочка, — его взгляд поднимается к моим глазам. Я тоже смотрю, замечая черные крапинки в карих радужках. Они не сулят ничего хорошего, — либо мы разыграем вольную фантазию-продолжение того видео здесь и сейчас. Эта тачка еще не была осквернена, самое время исправить досадное недоразумение, — его ладонь сжимается на моей шее, на несколько мгновений лишая меня воздуха.

Глаза округляются от страха, я тут же обхватываю мощное предплечье, впиваясь ногтями. Приоткрыв рот, пытаюсь сделать вдох. Я знаю, что воздуха в легких хватит на какое-то время, понимаю, что со мной точно ничего не случится на парковке университета. Но мозг поддается иррациональной панике.

Он ненормальный, раз решил играть со мной, пока я нахожусь в уязвимом положении. Псих. Сумасшедший. Стоило принять меры в отношении него еще три года назад, когда он зачастил на мои лекции.

Всего три секунды, и его пальцы разжимаются. Я наконец дышу, испытывая удовольствие от того, что могу совершать действие, над которым обычно не задумываюсь. Как будто он пытается выбить меня из колеи, чтобы я перестала двигаться по накатанной.

— Ты двинулся? — забываю обо всех приличиях, колочу его плечи в попытке вытолкать Яна из машины.

Он перехватывает мои запястья, дергает меня к себе, так что я едва не вспахиваю носом его торс.

— Что ты выбираешь? — игнорирует мои возмущения.

Говорить с ним — все равно что биться о стену. Этот ненормальный себе на уме.

— Я хочу уйти немедленно. Отпусти, — дергаю руками, но Сташевский, продолжая издеваться, заводит их за подголовник, оставляя меня беззащитной и слишком открытой перед ним.

Скользит по телу голодным взглядом, неприлично долго задерживаясь на груди.

Наклонившись, Сташевский проводит носом по моей шее. Увернуться не получается, наши физические возможности слишком разные. Замираю, почти не дышу. Только поджимаю губы, чтобы снова не разреветься. Я чувствовала, что Ян принесет беду, знала, что его присутствия на моих занятиях не сулят ничего хорошего. Но могла ли я предположить, что все пойдет так далеко? Что студент выпускного курса решится на домогательства в отношении преподавателя? И что преподаватель будет от этого краснеть и стискивать бедра, чтобы избавиться от тяжести между ног?

— Выбирай, Ле-ра, — хрипит мне на ухо, отчего по спине бегут мурашки. Но это не страх, а что-то другое, темное, поднимающееся на поверхность из глубин и порочных фантазий. Стоило читать меньше любовных романов с горячими мафиози. В жизни все не так романтично. — Иначе я сам приму решение.

Как не совершить ошибку?

Нервно облизываю губы. Во рту все еще неприятный привкус. Рубашка прилипает к влажной от пота коже. Я наверняка выгляжу не слишком эстетично. А значит, маловероятно, что Ян собирается воплотить свою угрозу. Выбор без выбора? Тогда стоит выбрать самый отчаянный вариант, чтобы обезопасить себя. И, возможно, оттолкнуть Сташевского хотя бы на время.

Просто сидеть смирно в его машине. Просто позволить ему отвезти себя, а после забрать телефон и уйти. Выбор... очевиден. Но он оставляет Яну слишком большой простор для нового безумия.

— Второй, — произношу шепотом. Сташевский вопросительно приподнимает брови, но быстро возвращает лицу бесстрастное выражение. — Я выбираю второй вариант.

Глава 6

— Ты играешь с огнем, Ле-ра, — будто намеренно тянет мое имя Ян. Его взгляд темнеет, а губы растягиваются в опасной ухмылке. — Не боишься сгореть?

Боюсь? Я просто в ужасе, потому что не знаю, как отсюда сбежать. И как избавиться от настойчивого внимания, о котором не просила. Как заставить свое тело не реагировать дрожью?

— Так и продолжишь болтать? — провоцирую в ответ.

Ян младше меня на четыре года, а значит, не так умел в манипулировании. Хотя, признаться, я и сама не слишком в этом успешна. В аспирантуре мы изучали психологию подростков и педагогику, но... что делать с взрослой сформированной личностью — нет. Я не знаю, как выкрутиться из передраги, в которую шагнула по доброй воле. Стоило просто выбрать первый вариант.

Выбрать другое, а не лезть на рожон.

Ян крепче перехватывает мои запястья, опускает их на пояс своих черных джинсов. Ладони горят, а в ушах начинает звенеть, когда я опускаю взгляд и замечая большую выпуклость в зоне паха. Черт-черт-черт.

— Расстегни их, — отдает короткий приказ Сташевский.

Язык прилипает к небу. Я сжимаю руки в кулаки, до боли впиваюсь ногтями в ладони, стараясь игнорировать покалывание в шее сзади. Он не может так со мной поступить. Я преподаватель, а он — студент. Мы в разных категориях, и все эти мальчишеские фантазии не должны воплощаться в реальность.

— Быстрее, птишка, если не хочешь, чтобы зрителей стало еще больше, — Ян осматривается. Опустив ладони на крышу, подается вперед, ко мне.

Хватаюсь за ремень, тяжело сглатывая. Я ведь сама согласилась. Почему теперь медлю?

На самом деле, я знаю, почему. Потому что Сташевский мой студент, потому что я не испытываю к нему ничего, что женщина должна испытывать к мужчине. Потому что я не вижу в нем мужчину. Потому что вся ситуация отвратительна.

Не смогу. Качаю головой, часто моргаю, отгоняя слезы. Их скапливается слишком много, и вот я уже позорно всхлипываю носом. К черту все. Моя жизнь уже на самом дне, разве секс на университетской парковке со студентом, заявившим ректору, что он мой парень, сделает все хуже? Едва ли.

Суетливо ищу застёжку ремня. Пытаюсь справиться с механизмом, но он оказывается слишком сложным сейчас. Сташевский усмехается. Положив ладони поверх моих, помогает, направляя. Никак не комментирует мои действия, только шумно дышит, словно сдерживается.

Бляшки ремня падают в стороны. Недолго думая, я расстегиваю пуговицу на джинсах и резко останавливаюсь, будто перед невидимой преградой.

Я не могу.

Не стану.

Когда жизнь катится под откос, нужно искать путь, который выведет наверх, а не падать еще ниже в стремлении пробить дно. Качаю головой слишком часто. Убираю руки, нервно заламывая их за спину.

— Отвези меня домой, пожалуйста, — произношу тихо, признавая поражение. Я не такая сильная и смелая, как думала. И мне просто нужно немного времени и спокойствия.

— Мудрый выбор, Ле-ра, — Ян касается моего лица, отводит пряди волос за уши. Кончики пальцев скользят по подбородку и обхватывают его, вынуждая меня посмотреть в дьявольски черные глаза. — Иначе пришлось бы убить всех, кто нас здесь увидел.

— Что? Ты...

— Пристегнись, — обрубает он, не давая мне даже задуматься обо всех ужасах, которые могли бы произойти. Ян захлопывает дверцу и не спеша обходит машину, прекрасно зная, что я не сбегу.

Делаю, как он велит. Укладываю сумку на коленях и приглаживаю волосы дрожащими ладонями, хотя хочется запустить в них пальцы и до боли оттянуть, крича что-то бессвязное.

Но вместо этого я делаю глубокий вдох и вытираю слезы тыльной стороной ладони.

Ян садится в машину, сразу срываясь с места. Он больше не произносит ни слова. Не иронизирует, не угрожает, что мы вернемся к этому моменту, как только перешагнем порог моей квартиры. Почему-то я не сомневаюсь, что Сташевский проследует за мной. Он как хищник, слишком долго выслеживавший свою добычу — стоило перейти в нападение, и обратные пути отсеклись.

Смотрю на дорогу. До корпуса ехать пять минут. Я уже вижу многоэтажки, на автомате отыскиваю свой корпус, словно он мог потеряться или переместиться. Но нет, все на месте.

Ян не перестраивается в полосу, оставаясь в крайней левой, когда до поворота остается меньше сотни метров. Надавив на газ, он проносится мимо нужного перекрестка на бешеной скорости, и мне остается только проводить взглядом квартиру, которая за три года стала домом.

— Куда ты меня везешь? — порывисто разворачиваюсь на сиденье, глядя прямо на него. Взгляд случайно цепляет пальцы, сжимающие руль. Несколько маленьких татуировок на фалангах. Выглядит по-мужски красиво, но я слишком возмущена, чтобы придавать большое значение эстетике. — Мы проехали поворот, ты в курсе? — Сташевский только усмехается. — Не молчи, Ян! — истерично требую ответа.

— Я ведь сказал, что отвезу тебя домой, — он бросает на меня взгляд, не сбавляя скорости. Страх стягивает горло. — Но я не обещал, что это будет твоя квартира.

— И куда мы едем? — спрашиваю, тяжело сглатывая. Пальцы леденеют от ужаса.

Сташевский плавно вписывается в поворот, словно только что не заваливал стрелку спидометра на правый бок. Не отвлекаю его, пока он сосредоточен на маневре — пялюсь на длинные пальцы и то, как ловко они управляют с рулем. Выровнявшись в полосе, Ян снова на меня смотрит, прямо и долго, прежде чем уничтожить меня ответом:

— Ко мне домой.

Глава 7

Когда машина заезжает во двор, все мои страхи усиливаются. Мы будто проезжаем последний рубеж, а дальше... ворота закрываются, как захлопывается дверца клетки перед глупой любопытной пташкой. Тру шею, под кожей зудит беспокойство, от которого никак не избавиться.

Мы молчали почти всю дорогу, и теперь меня разрывает от желания бунтовать и сопротивляться во что бы то ни стало. Ян останавливается у гаража и выходит первым. Обогнув машину, открывает для меня дверцу. Я же не спешу покидать убежище. Почему-то кажется, что если выйду, то точно подпишу приговор. Какой — неизвестно, но он точно не будет сулить ничего хорошего.

Прикусываю щеку изнутри и в панике осматриваюсь. Я знаю этот район, он для элиты. Тут где-то должен быть дом ректора. И еще парочки преподавателей, которые нажили себе состояние за время работы в Шикарском университете. Барвиха по-Шикарски — вот что это за место. И нужно иметь крайне подвижные моральные границы, чтобы заработать на дом в подобном коттеджном поселке.

— Выходи, — требует Сташевский, подавая мне руку.

Ждет. И я жду, вот только не знаю чего. Сидеть здесь — глупость. Вряд ли Ян повезет меня обратно.

Его терпение заканчивается быстро. Наклонившись и нырнув в салон, он быстро отстегивает ремень безопасности. На мгновение меня обдает его запахом — горький шоколад, кедр и что-то остро-перечное.

Повернувшись, Сташевский смотрит прямо в глаза. Наши лица близко. Всего одно движение, и мы столкнемся. Воздух между нами накаляется, я задерживаю дыхание и продолжаю пылиться, словно меня магнитом притянуло к почти черным радужкам.

— Если ты откажешься, я тебя понесу, — Ян хватает меня под коленками.

— Я пойду! Пойду, — упираюсь ладонями в крепкие плечи и испуганно качаю головой. Там, где он касается меня, вспыхивают ожоги, как от крапивы. — Я не хочу. Но сделаю, — тут же добавляю, когда замечаю, как в его глазах вспыхивает пламя ярости. — Только не трогай меня, — произношу уже совсем нерешительно.

— Ты еще будешь умолять об обратном, пташка.

Игнорирую его слова и выбираюсь на улицу в разгар дня. Здесь вокруг светло и много зелени: во дворе по периметру растут деревья, светлые стены дома выглядят располагающе. Дом... небольшой, меньше, чем другие по соседству. Два этажа, гараж, пристроенный прямо к дому, сзади наверняка есть веранда, как у соседних коттеджей, мимо которых мы проезжали.

Желудок стягивает в приступе тошноты. Активнее жую мятную жвачку, пока в ней еще остался вкус. Ноги едва держат, но я выхожу из машины и быстро осматриваюсь: двор, залитый солнцем, дорожки, расходящиеся в разные стороны и уводящие за дом в бежевой штукатурке с большими окнами. Здесь все... уютно, как будто я попала в маленький американский городок на съемки «Отчаянных домохозяек». Но из отчаянных тут только я.

Ян, развернувшись, идет к дому. Вдохнув поглубже, не спеша шагаю следом. Ощущение, что я захожу в клетку, из которой невозможно выбраться. На шее все сильнее затягивается невидимая удавка, а каждый вдох отдается острой болью под ребрами.

— Прошу, — Ян открывает входную дверь и отходит, пропуская меня вперед.

Нерешительно мнусь на пороге, заглядывая в большой коридор, из которого видно кусочек гостиной. Сташевский опускает ладонь мне на поясницу и легонько подталкивает вперед.

Шаг, второй, третий — в доме приятно пахнет свежестью и чистотой. Обстановка минималистичная. Навевает спокойствие, которое испаряется, стоит входной двери мягко захлопнуться за моей спиной.

Ян тоже останавливается сзади — говорить и приближаться не спешит. Это действует на нервы. Я будто все время под прицелом: сначала любопытные взгляды студентов, после — осуждение со стороны ректора и декана, и теперь... Я не могу расшифровать эмоции в глазах Сташевского, их слишком много, и они путаются. Он будто одновременно хочет свернуть мне шею и... просто хочет.

Сжимаю ручки сумки. Слышу свое неровное дыхание.

— Зачем я здесь? — наконец оборачиваюсь, отмечая серость внутри. Словно в замке бездушного короля: светло-серый, стальной, графитовый — цвета стен и мебели гармонируют, создавая ощущение стерильности, но это не имеет ничего общего с домом и особенно со двором.

— Так безопаснее, — отвечает Ян с неохотой. — Осмотришься?

— Для кого? — игнорирую его вопрос.

— Есть еще задний двор и второй этаж, на первом гостиная, кухня, ванная и... кабинет.

— Ты не ответил на вопрос, — прищурившись, обвожу взглядом внушительную фигуру. Широкие плечи, спрятанные под толстовкой, узкие бедра, мощные ноги. Вспоминаю, что произошло в машине, как сама потянулась к ремню, намереваясь довести игру до конца. У Сташевского на меня стоял! Это катастрофа. Как и то, что он открыто это продемонстрировал.

— Для всех.

— Всех?

— Именно, — отвечает коротко, не давая мне полной картины.

— Что это значит? — не унимаюсь я.

Вздыхнув, Ян забирает мою сумку и осторожно кладет ее на диван. Развернувшись, идет дальше, по всей видимости, в кухню. Семеню за ним.

— Холодильник — там, через пару часов придет Роза и приготовит ужин. Она милая, и... — Сташевский бросает взгляд через плечо. — Если голодна, можно соорудить что-то простое. Обед в университетской столовке сегодня пройдет мимо нас.

Он открывает дверцу холодильника и внимательно изучает его содержимое.

— Ты снова меня игнорируешь.

— Я сказал то, что имел в виду. Всех — это значит всех, — легко пожимает плечами, будто мы выбираем, чем перекусить, а не обсуждаем спорные формулировки, которыми он разбрасывается в последние два часа.

— Я не понимаю.

— Тебе нужно расслабиться и ни о чем не думать, — Ян захлопывает холодильник. Медленно идет ко мне, обходя кухонный островок.

Пячусь назад, ища пути отступления и не понимая, куда бежать в этом доме. Тут есть второй выход? Кажется, должен быть во двор.

— Тогда верни меня домой. Я не просилась в гости.

— Тебе пора сменить место жительства.

Глава 8

— А тебе пора бы перестать мне указывать, — выпаливаю фразу слишком резко от обиды и злости.

Почему все вокруг вдруг решили, что имеют право диктовать мне, как жить? Ректор считает, что мне лучше уволиться, Сташевский — и вовсе указывает, что делать и куда идти. Хватит.

— У пташки прорезался голосок? — Ян неумолимо приближается. Уголок его губ поднимается в ухмылке, но взгляд остается бесстрастным. Это пугает до чертиков, и хуже всего то, что у меня нет путей отступления. — Похвально. Но я не тот, с кем тебе стоит воевать.

— *Тот* не привез бы меня в свой дом против воли и не стал бы нарушать субординацию. Я преподаватель, а ты — студент.

Дыхание сбивается. Убираю волосы с лица и напрягаюсь.

— Решила вспомнить о социальных ролях?

— С тобой невозможно разговаривать?

— Как насчет криков? — Сташевский опасно скашивает взгляд на подставку для ножей. Я тяжело сглатываю огромный ком в горле. Он ведь не собирается делать ничего подобного? Какие мысли вертятся в его голове? — Или... стонов? — спрашивает с насмешкой, но в черных глазах вспыхивает пламя. Всего на секунду, но я успеваю уловить перемену в настроении Яна. Вязкая, темная и горячая энергетика задевает по касательной и меня. В груди все сжимается, а между ног слабо пульсирует, будто я и правда хочу всего, о чем говорит мой студент.

— Как насчет ответов? — иду ва-банк, подражая манере Сташевского. Это сложно, у меня нет и половины той уверенности, что курсирует в его крови. Я не могу нащупать опору под ногами, ее выбили опубликованным видео. Господи, наверное, сейчас в университете катастрофа.

И хорошо, что я вне ее эпицентра.

А Ян... он что, и правда специально увез меня подальше от всего? Смысл его коротких ответов и всех поступков начинает доходить только сейчас. Пазлы неохотно складываются в картинку. Он меня... оберегает?

Тряхнув головой, отгоняю мысль подальше от себя. Нет. Так не поступают, когда заботятся. И у Яна нет никаких оснований это делать. То, что он три года посещал мои занятия, никак его не оправдывает. И не дает ему никакого права увозить меня против моей воли.

— Ответов, — хмыкает Сташевский, потирая кулаком подбородок. — Ты не готова их услышать, Ле-ра.

Злость накатывает волнами. Они неудержимы, и в какой-то момент меня сносит потоком.

— Тогда я ухожу.

Шаг, второй, третий. С каждым я становлюсь лишь увереннее в правильности принятого решения. Я уйду отсюда и буду сама справляться со своей жизнью. Пусть катятся подальше. Я сама напишу заявление и найду другую работу, лишь бы не участвовать в этих интригах и не иметь дел с мажористыми студентами, для которых вся жизнь — развлечение.

Сташевский преграждает мне путь, и я едва не врезаюсь в его грудь.

— Отойди! — приказываю. Под веками печет от непролитых слез. — Уйди с дороги! — толкаю его, и он сдвигается на полшага. — Ты слышишь меня? — еще один толчок. Еще полшага. — Дай. Мне. Пройти! — я успеваю только замахнуться, как Ян перехватывает мои запястья.

Резко поднырнув, он упирается плечом в мой живот. Мир кружится слишком быстро, и я оказываюсь на плече Сташевского, повиснув головой вниз. С визгом упираюсь ладонями в его поясницу. Голова идет кругом.

— Что ты делаешь? Отпусти немедленно! — обвыкнувшись в новом положении, принимаюсь колотить Сташевского по спине. Он, никак не реагируя на мои попытки, разворачивается и выходит из кухни, направляясь к лестнице на второй этаж. — Ты вообще меня слышишь?

— Слышу, но я слишком сосредоточен на том, чтобы не уронить тебя, пока мы поднимаемся по лестнице, — отзывается весело и подбрасывает меня на плечо, так что я верещу от страха, когда вижу ступеньки слишком близко к своему лицу.

— Поставь меня сейчас же! — продолжаю стучать кулаками по крепкой пояснице, игнорируя предостережение. — Ян, отпусти! Я хочу уйти!

Паника охватывает тело. Смотрю по сторонам, но вид значительно ограничен полом и задницей Сташевского.

— Ага, конечно.

— Ян! Прекрати меня игнорировать!

— О, птишка, ты даже не представляешь, насколько я на тебе сосредоточен.

Лестница заканчивается, и Ян минует коридор. Толкает дверь перед собой и щелкает выключателей.

Вокруг — темный кафель, и судя по запаху, мы в ванной. Он бросает что-то на полочку возле раковины и уверенно идет дальше.

— Что ты задумал? — всерьез опасаясь следующего действия.

Сташевский даже сейчас игнорирует мои вопросы.

Он ставит меня на пол только в душевой. Здесь просторно, но мне все равно кажется, что тесно для нас двоих. Ян теснит меня к стене.

— Нет, нет, не надо! — бросаюсь навстречу, едва не распиная себя на крепкой груди, когда Ян тянется к крану. Цепляюсь пальцами за его толстовку. Я почти готова умолять. — Пожалуйста.

Сташевский обхватывает меня свободной рукой, скользит от талии вверх. Прижимает крепче к себе, бесцеремонно и по-варварски.

— Нам обоим нужно остыть, — выдыхает Ян, глядя на мои губы, и открывает холодную воду.

Она льется сверху, я прячу лицо, уткнувшись Яну в грудь, пока он позволяет нам двоим промокнуть.

— Ненавижу тебя, — бормочу, крепче вжимаясь в горячего Яна.

— Это мы исправим, — с горькой усмешкой заявляет Сташевский и тянет блуз ку наверх, начиная меня раздевать.

Глава 9

Злость смывает вместе с потоком воды. Следом — остальные чувства: разочарование, горечь обиды, протест от несправедливости. Я уже не пытаюсь выбраться, не колочу Сташевского везде, где могу дотянуться. Просто прижимаюсь крепче и принимаю неизбежное. Первые слезы срываются с ресниц, и я прячу их в плотной и пока не промокшей ткани толстовки.

— Вот так, — хвалит меня Сташевский, поглаживая спину под тканью блузки. Его пальцы на моей коже ощущаются горячо и неправильно. Я вздрагиваю даже от самого маленького движения. Мы совершаем ошибку, но сейчас, когда я привыкла к температуре, становится все равно.

Моя репутация уже валяется где-то под лавкой в дальнем конце университетской раздевалки. Куда еще хуже? Уехать со студентом к нему домой? Это мелочи в сравнении с тем, что все студенты и преподаватели увидели, как я опускаюсь на колени по одному приказу, стоя в спальне в одном белье.

Ян меняет воду на теплую. По коже бегут мурашки. Я вздрагиваю. Хочется сбежать туда, где меня никто не найдет. И просто отсидеться. Дождаться, когда все забудут, и потом начать жизнь с чистого листа. Прикидываю свои сбережения. За время преподавания у меня скопилась приличная сумма — зарплата в Шикарском университете в разы выше средней преподавательской, а во время учебного года тратить особо некуда. Поэтому я смогу какое-то время перебиться и без работы. Возможно, справлюсь с тем, чтобы переждать учебный год, а после и правда отправиться в регион, чтобы... Чтобы что? Спустить все труды в унитаз?

Сташевский быстро находит и слишком легко расстегивает молнию на юбке. Она падает к ногам, складываясь уродливым и неровным кругом. Ян хмыкает, замечая чулки, но ничего не говорит. Отступив на шаг, принимается за пуговицы на блузке.

— Не надо, — хватаю его запястья, когда пальцы добираются до груди. Набравшись смелости, поднимаю голову и смотрю Яну в глаза.

Он тоже смотрит. Прямо, жестко, уверенно. Как будто точно знает, что делает. Словно готов к следующему ходу, каким бы он ни был. Ян сухо кивает и, стоит мне ослабить хватку, доверившись, за пару-тройку секунд справляется со всеми оставшимися пуговицами. Не без труда стягивает с плеч влажную ткань. Скользит по моей фигуре голодным взглядом, от которого между ног все сводит спазмом. Потому что никто и никогда на меня не глядел подобным образом — словно я самый желанный в мире трофей. *Его трофей.*

— Выйди, — прошу. Требовать не остается сил, все они уходят на то, чтобы не прятаться от Сташевского, прикрываясь руками. Потому что хищнику нельзя давать поводов. Если он поймет, что я его боюсь, то тут же бросится в атаку, доказывая, что мои чувства были верны на двести процентов.

— Если ты пообещаешь не делать глупостей, — его ладони опускаются на плечи и принимают массировать кожу.

Это странно. И приятно. Второе даже больше.

— Например?

— Пытаться сбежать через окно. Или искать бритву, чтобы свести счеты с жизнью. — Ян ведет пальцем по моему горлу, Сердце заходится в диком ритме, а яремная вена пульсирует сильнее. — Не смей, слышишь? — слегка надавливает, в слабом предупреждении.

— Я не собираюсь умирать сегодня, — шлепаю его по руке, отбрасывая ту в сторону. — И раз уж ты притащил меня в свою ванную, я собираюсь принять душ и немного побыть в одиночестве. Меня стошнило в университете.

Стоит произнести это вслух, и на языке ощущается мерзкий привкус рвоты. Жвачка окончательно становится безвкусной, даже противной. Кривлюсь, борясь с внезапным позы-

вом. Прижимаю ладонь к животу. Резко развернув меня спиной к себе, Ян заботливо убирает волосы за спину.

Мягкие губы касаются голого плеча. Прикрыв глаза, рвано выдыхаю. Под кожей рассыпаются тысячи искр. Они иголками проходят по всему телу, особое внимание уделяя пояснице и низу живота. Так не должно быть. Мое тело не должно откликаться и радостно воспринимать прикосновения Яна.

От него нужно бежать сломя голову. Быстро и не оглядываясь.

— Эй! Ты сдурел? — пихаю Сташевского локтем. — Прекрати! То, что я здесь без одежды, не дает тебе права...

— Об этом мы поговорим позже, — хмыкает он, снова меня перебивая. Это входит в привычку. — Не торопись, пташка. Я оставлю полотенце на крючке, а чистую одежду в спальне на кровати. Дверь справа по коридору.

Отстранившись, Ян выходит, оставляя за собой влажный след. Как только за Сташевским закрывается дверь, меня на части раздирает пустота, образовавшаяся в душе. И я наконец сползаю по стеночке, давая волю слезам.

Прижимаю колени к груди и, уткнувшись в них лбом, громко реву, проваливаясь в истерику и впервые в жизни надеясь, что слезы решат проблему. Потому что я сама не в состоянии вывезти свалившийся на плечи груз.

С Днем знаний, дорогие! Ну что, будем искать спокойствие для нашей преподавательницы?)

Рекомендую еще одну книжку нашего литмоба

Кира Хо — Почувствуй мой страх

<https://litnet.com/shrt/vMLx>

Глава 10

Не знаю, сколько времени провожу в ванной, но когда выхожу, на крючке и правда висит полотенце и черный банный халат, судя по размеру, мужской. На тумбочке возле раковины новая зубная щетка в упаковке, расческа, крабик для волос и тканевая маска корейского бренда.

Либо Сташевский крайне гостеприимный человек, либо произошедшее сегодня было четко спланировано. По коже пробегает холодок, волосы приподнимаются на затылке от ужаса. Смотрю на расческу и щетку, как на оружие массового поражения. Ян ведь не мог сделать подобного? Для этого потребовалось бы установить камеры в квартире проректора и безотрывно за ними следить. А после... Нет.

Запрещаю себе думать о подобном. Мне нужно спокойствие, телефон и сушильная машина, если такая вообще здесь имеется. Игнорируя маску для лица, слишком энергично чищу зубы, избавляясь от мерзкого привкуса рвоты. Дальше расчесываю волосы, стараясь не смотреть на опухшее от слез лицо. Меня словно пчелы покусали. Как вообще в таком виде можно появиться перед Сташевским? Тут не одна маска нужна, а целый завод и чан, в котором меня искупают в надежде привести в человеческий вид.

«Ты сможешь, Лера», — говорю себе мысленно, чтобы снова не разрыдаться. О том, что делать дальше — стараюсь не думать. Большую цель нужно дробить на мелкие и медленно их преодолевать. Так легче. И так все кажется выполнимым. По крайней мере, в этом убеждают психологи. Это как писать кандидатскую: разбираешь всю тему на главы, опеределеляешь цель и задачи. И только потом начинаешь решать задачи одну за одной, чтобы добраться до сути и выполнить задание.

Теперь меня ждет самая главная работа в жизни — выбраться со дна и подняться выше того уровня, на котором я была еще сегодня утром.

Заколов влажные пряди на затылке, снимаю с вешалки халат и, прижав его к груди, выхожу в коридор. Кажется, Ян говорил что-то о комнате справа.

На этаже тихо, и я позволяю себе осмотреться. Такие же серые стены, как на первом этаже. Никаких картин, растений и опознавательных признаков, которые приоткрыли бы мне глаза на характер хозяина дома. Ни-че-го. Сплошная пустота.

Светильники на стенах с тусклым светом и три двери: одна за моей спиной и две по бокам. Впереди — лестница на первый этаж.

Захожу, как и сказал Ян, в правую. Передо мной небольшая спальня с кроватью, занимающей почти всю площадь. Судя по графитово-черным цветам — хозяйская. В углу стоит большой комод, две тумбочки справа и слева от кровати. Здесь чуть больше жизни: на наполненной вешалке — чистый комплект одежды, на комоде несколько серебряных колец, а на кровати лежат шорты и футболка.

Сташевский решил поделиться своей одеждой?

Быстро оцениваю выбор: ходить без белья в одном халате с поясом или все же воспользоваться предложением и влезть в вещи Яна? И то, и другое принадлежит ему, но я отдаю выбор огромным шортам, резинку в которых приходится затянуть на максимум. Футболку заправляю за пояс, чтобы не болталась. Несколько раз хлопаю себя по щекам, надеясь, что это поможет привести лицо в божеский вид, и отправляюсь на поиски хозяина дома.

— Ян? — зову, выглядывая в коридор. Он так же пуст, как и был.

Останавливаюсь, гадая, стоит ли мне спускаться вниз. В любом случае, там сумка с вещами. И телефон... Как бы то ни было, мне все равно стоит поставить декана в известность о своем отсутствии и извиниться за непредвиденные обстоятельства.

Иду по лестнице. В кухне раздаются голоса: мужской и женский. Ян и?.. Подружка? Хотя нет. По голосу — взрослая женщина.

— ...оставлять девушку одну в такой ситуации, — журит она Сташевского, когда я подкрадываюсь к двери кухни и прижимаюсь к стене, подслушивая разговор.

— У меня нет никаких оснований оставаться рядом. Я ее пугаю. Пока что, — отзывается Ян со смешком. — И ничего не случится, я забрал из ванной острые предметы.

Они что, говорят обо мне? Возмущенный вздох застревает в горле, а сердце снова заходится в бешеном ритме. С кем это Сташевский меня обсуждает?

— Всегда можно выпрыгнуть из окна, — заявляет женщина со знанием дела.

Ян тихо ругается и бросается к двери. Отлипнув от стены, распрямляю плечи и разворачиваюсь, делая вид, что только что спустилась.

Сташевский едва не сбивает меня с ног, налетая с сумасшедшей скоростью. Его руки тут же смыкаются на моей пояснице в стальном захвате, а цепкий взгляд выискивает что-то на моем лице. Дыхание перехватывает. Ян уже переоделся в черную футболку и очередные черные джинсы. Только влажные волосы выдают, что он был в душе со мной.

— Милый наряд, — комментирует он, улыбаясь, пока я хмрю брови.

— Я... Мне не стоило это надевать? — не знаю, зачем спрашиваю. Очевидно, что я не стану раздеваться. А оправдываться за то, что сделала... Сташевский не оправдывается. Глупо не отвечать ему тем же. — У тебя есть сушильная машина? Мои вещи нужно привести в порядок.

— Она внизу, — кивает Ян, не переставая меня разглядывать. — Роза тебе все покажет и поможет, — он делает шаг в сторону. Оставляет на пояснице одну ладонь, жар которой я ощущаю даже через ткань белой футболки и красных шортов. Это вообще гардероб Яна? Никогда не видела его в чем-то, кроме черного. — Идем, я вас познакомлю, — подталкивает меня в сторону кухни.

Развернувшись, едва не утыкаюсь носом в широкую грудь, состоящую сплошь из твердых мышц. В носу снова щекочет приятный аромат. Плечо вспыхивает от фантомного прикосновения губ Сташевского. Должно быть стыдно, что я слишком хорошо помню губы студента. Прикусываю щеку изнутри, собираясь с духом. Смотреть в глаза Яна тяжело. Потому что я вижу в них отражение того же желания, только в отличие от меня Сташевский ничего не скрывает.

— Телефон. Мне нужен мой телефон.

Ян разочарованно вздыхает и, выпрямившись, кивает на дверь.

— Он на островке. Пойдем, у меня мало времени.

Глава 11

Глава 11

— Мало времени для чего? — хмурюсь, когда Сташевский заводит меня на кухню, подталкивая в спину.

— Появились дела, не терпящие отлагательств, — тихо произносит он, наклонившись к уху, и я осознаю, что начинаю привыкать к его вторжению в мое личное пространство. Это определенно плохой знак. — Так что на пару часов я оставлю тебя под присмотром Розы. Надеюсь, ты будешь вести себя хорошо, — дьявольски шепчет, словно меня ждет расплата за плохое поведение. И что-то мне подсказывает, что ничего хорошего ожидать не стоит.

— Буду, если ты отвезешь меня домой. Ко мне домой, — уточняю, и Ян улыбается.

— Забудь, Ле-ра. На эти выходные ты... — он делает паузу, которую не выдерживает моя нервная система, и я рвано выдыхаю, — моя гостья.

— Это похищение, Ян. Я заявлю на тебя в полицию! — вспыхиваю от злости. Я устала играть по чужим правилам, а у Сташевского их слишком много и они меняются быстрее, чем я моргаю.

Его ладонь на моей талии сжимается крепче. Я втягиваю воздух со свистом. Толкаю Яна в грудь, но он ожидаемо не двигается с места.

— Роза, это Лера, она поживет у нас некоторое время. Лера — моя домоуправительница Роза, — Ян тепло улыбается миловидной женщине пятидесяти лет. Она невысокая и худенькая, в легком платье в мелкий цветочек и фартуком на поясе. — Оставь нас ненадолго, пожалуйста. В ванной наверху мокрые вещи, их нужно постирать и посушить.

— Конечно, — она сдержанно улыбается. — Добро пожаловать, Лера, — говорит миловидно и, кивнув мне, выходит.

Роза закрывает за собой дверь, и со щелчком замка я окончательно теряю самообладание. Ян, стоит признать тоже.

— Ладно, давай кое-что проясним сейчас, — говорит Сташевский за моей спиной. Его рука сжимает меня крепче, а вторая ложится на горло, сжимая его до легкой боли. Жадно хватаю воздух, думая, куда бежать из этого дома. Мозг закипает, а тело напрягается. — Ты моя, Лера. И ничья больше, — большой палец ведет по шее, нащупывая пульс. Тяжело сглатываю, проталкивая вязкую слюну обратно в желудок. — Моя душой и телом, — рука с талии скользит выше, подбираясь к груди. — Я не оставлю тебе право выбора, — пальцы сжимают сосок, и я взвизгиваю от резкой волны возбуждения.

Почему, черт возьми, меня это не пугает? Почему Сташевский не вызывает во мне отвращения? Он ведет себя еще более властно, чем Дима, но... Рядом с ним я только мелко дрожу и сдерживаю стоны, кусая губы.

— Нет...

— Да, Ле-ра, — снова растягивает мое имя и впивается губами в шею, одновременно с тем сжимая грудь.

Жар распространяется по всему телу, а протест сгорает в огне вспыхнувшего желания. Руки и губы Яна двигаются умело, надавливая на нужные точки.

Гореть мне в адском пламени, если я позволю Сташевскому зайти дальше.

И пылать в агонии, если я его остановлю.

— Ян... — слетает с губ мольба, в которой я уже не понимаю, чего хочу больше: чтобы остановился или чтобы продолжал сминать мою волю, подчиняя своей.

Я просто хочу, чтобы этот дурацкий день закончился и чтобы завтра все началось с чистого листа. Хочу заполнить сжирающую меня пустоту внутри и вернуться к любимому делу. Я хочу... быть значимой, даже если это означает забыться в руках Сташевского.

— Я попробую к тебе в мыслях. Стану твоим ночным наваждением и дневными грезами, самым порочным желанием и вожденной фантазией, — его ладонь опускается ниже, пробираясь под резинку шорт. Хватаю его за предплечье, но Ян действует неумолимо, продолжая нащупывать искушения, оживающие с каждой секундой.

— Остановись, — протестую совсем вяло и сжимаю бедра. Пальцы легонько шлепают по лобку, будоража откровенностью. — Ян, пожалуйста...

— Да, птичка, все правильно. Ты будешь умолять. Желать меня, ждать каждую секунду, которую мы проведем порознь. А после будешь послушно кончать на мои пальцы и член, потому что я — единственный, кого хочет твое тело, — он рычит мне на ухо, обводит языком мочку.

Робкий стон срывается с губ. Я тут же зажимаюсь, боясь собственного грехопадения. Пальцы Яна пробираются дальше, раздвигая складки и касаясь чувствительного клитора.

Слова дурманят разум. Они звучат как обещание, как самая порочная фантазия, которую принято прятать ото всех. Если бы я не знала, что вокруг Сташевского всегда крутятся девочки, подумала бы, что он мне в своих темных желаниях сознается. Но все это — голый расчет: он не против воспользоваться моей слабостью, а я — его силой. Ничего общего с чувствами и романтикой, с которой принято начинать... Усмехаюсь. Что начинать? Отношения? У нас их нет и не будет. Есть только один миг, в который я могу поддаться, а он — взять то, что хочет.

— Раздвинь ноги, — требует Ян, толкая мою стопу в сторону и не дожидаясь ответных действий с моей стороны. — Вот так, — пальцы проскальзывают глубже и теперь кружат у входа. Я тяжело сглатываю, сжимаю мышцы — меня захватывает диким страхом, перемешанным с возбуждением. Боже, да я в восторге от происходящего! Точнее, мое тело, которому, оказывается, нравится, когда его волю подавляют. — Ты блядски мокрая, птичка, — в доказательство он толкается внутрь сразу двумя пальцами, и они входят плавно и без сопротивления, как горячий нож в масло.

Я запрокидываю голову с легким стоном.

— Не надо! — все еще вяло протестую, впиваясь ногтями в его предплечье. Мы не можем. Не можем. Не можем. Даже если обоим будет чертовски хорошо. Даже если я буду течь на его пальцы.

— Не надо? — ладонь на моей шее сжимается, а пальцы внизу вбиваются быстрее, трахая меня в идеально-запретном темпе. Он студент, Лера, твой бывший студент. — Ты уже моя, Лера. И я собираюсь тебе это показать.

— Я не буду твоей, — выталкиваю из себя вместе с последним воздухом. Голова идет кругом, комната начинает вращаться.

Ян толкает меня к столешнице, рывком срывает шорты. Развернув лицом к себе, толкает вверх. Шлепаюсь задницей на холодный мрамор. Сташевский тут же вклинивается между ног, разводя их в стороны мощными бедрами. Рука уже привычным жестом устраивается на моей шее, забирая необходимый воздух.

Все происходит так быстро, что я едва успеваю моргать.

— Ян, прошу! — предостерегая, давя на плечи. Я больше не хочу забываться в чьих-то руках. Особенно, если это пальцы Сташевского. И его голос, от которого вспыхивает все мое нутро, восторженно принимая каждое слово. — Мы заходим слишком далеко. Остановись.

Он не слушает. Укладывает меня на лопатки одним движением.

— Слишком далеко, птичка? — хмыкает, сминая кожу на лобке. Выгибаюсь дугой, сгорая в контрасте мыслей и ощущений. Противоречие — единственное слово, которое приходит на ум, но и оно растворяется в звонком шлепке, которым Сташевский награждает мою промежность.

Шиплю от болезненного удовольствия.

— Ян! — выкрикиваю строго, но мой мучитель только усмехается.

— Я собираюсь зайти еще дальше, Ле-ра. Потому что мы только начали.

Глава 12

Я не оторвусь от нее, даже если за моей спиной будет гореть мир. Нахер его. Потому что вся Вселенная в этот затянувшийся миг сосредоточилась для меня в одной девушке. Лера, самая принципиальная преподаша из всех. Маленькая гордая пташка, умело ставящая на место каждого студента. Ее взгляд острее ножа, улыбка — желаннее воздуха, а стоны... клянусь, это самое охуительно прекрасное, что я слышал в своей жизни.

Я хочу запереть ее в своем доме навсегда. Не выпускать за ворота. Спрятать от всего мира и беречь, как самое драгоценное сокровище. Три ебанных года я потратил, чтобы дотянуться до нее. Тысяча сто дней, чтобы уничтожить все преграды и наконец забрать ее.

— Ян, пожалуйста, — всхлипывает Лера, когда я кружу пальцами у входа. В ней так охуенно тепло и мягко, что я с каждой секундой думаю послать все планы к черту и остаться дома, чтобы трахать секси-преподашу на каждой поверхности всех комнат.

— О чем ты меня просишь, пташка? — смотрю на влажную промежность. Лера тут же краснеет и пытается свести ноги, но я предупреждающе качаю головой. Валерия поджимает губы и отводит взгляд. Тяжелый вздох слетает с искусанных губ, и... блядь, я не знаю, что хочу попробовать в первую очередь — ее рот или маленький упругий клитор.

Как можно быть одновременно такой распушенной, лежа на моем столе, и серьезной и чопорной за трибуной в лекционной аудитории?

Член стоит колом, давит головкой на ширинку. Еще немного, и сам вырвется навстречу Лере. Близкое знакомство случится сразу же, потому что держаться будет невыносимо. Яйца звенят от желания, и вот-вот лопнут.

Лера недовольно рычит, поднимаясь на локтях и наблюдая за тем, что я делаю. Надавив ладонью меж грудей, укладываю ее обратно на стол. Моя пташка охуенна в своей растерянности, но над этим мы еще поработаем. Она научится меня принимать. И желать так, как не желал никто. Поднимаю вопросительно бровь, ожидая ответа. Нет, требуя его.

По ладони стекает ее влага, капля ползет до запястья. И я, блять, надеюсь, что только мои прикосновения вызывают у нее такую реакцию. Иначе нам пиздец.

— Мне остановиться? — замираю, прекращая любое движение. — Или продолжать двигаться? — прижимаю ладонь к половым губам с легким шлепком. Валерия подается мне навстречу, извиваясь змеей по столу.

— Да! — единственное, что выпаливает Лера, выгибаясь дугой мне навстречу.

— Сучка упрямая, — рычу, толкаясь в нее двумя пальцами. Мычу от удовольствия вместе с ней. Кайф. Смотреть, как она горит в агонии подо мной, как плывет взгляд, как на лице появляется довольная улыбка. — Спишем все на стресс. Только в этот раз.

Вбиваюсь в нее с влажными шлепками, улетаю от удовольствия, наблюдая за тем, как она забывается. Хорошая девочка с греховными фетишами.

Согнув пальцы, продолжаю вытягивать из груди Леры стоны. Она сжимает кулаки и запрокидывает голову. Закрывает глаза и шипит сквозь зубы. Наклонившись, кусаю торчащий через майку сосок. Прикасаюсь к ней — словно трогать божество. Обычно это называют одержимостью. Я не против. И хочу, чтобы это было чертовски взаимно.

Валерия зарывается пальцами в мои волосы. Прижимает крепче к груди, не позволяя отстраниться. Ноги обхватывают мой торс крепче, и я чувствую, как она дрожит. Мне нужно поднять голову и увидеть, как она кончает. Как сходит с ума, забываясь прямо на моих пальцах, но Лера держит крепко, и я продолжаю дразнить ее грудь через футболку и двигать рукой с прежней интенсивностью.

— Да! Да-а-а-а... — она до сих пор дрожит. Голос низкий, бархатный, словно ей не принадлежит. Она отпускает меня неохотно, тут же отводит взгляд, боясь встретиться с моим.

Тяну ее вверх за футболку, вынуждая сесть. Продолжаю растирать ее пальцами, подпитывая отголоски оргазма. Лера хватается за мои плечи, но снова упрямо прячет лицо. Я чувствую себя примерно так же — слишком долго ждал ее, чтобы так легко отпустить.

— Это не конец, пташка, — скольжу вверх по ее спине. Лера вздрагивает и наконец вскидывает взгляд. Там — шторм, в котором бурлят обломки разных чувств. Зарываюсь пальцами в ее волосы на затылке и сжимаю, заставляя запрокинуть голову.

Лера рвано выдыхает, вижу, как тянется навстречу к моему лицу. Мои губы зудят от предвкушения. Я почему-то уверен, что целоваться с ней будет охренительно вкусно. Это будет самое вкусное. Или...

Вытаскиваю пальцы и подношу ко рту, но вместо того, чтобы облизнуть, толкаю их Лере и, раздвигая влажные губы, касаюсь кончиками языка.

— Давай, пташка, попробуй себя, — плавно веду вперед и назад, каждый раз встречая зубки, которые в любой момент могут прикусить. — Соси, Ле-ра, — ее имя растягивается на языке. Особенное сочетание букв, которое я не могу произнести без паузы. — Будь хорошей девочкой и покажи, что умеешь, — наблюдаю за ней с усмешкой. Ее внутренняя борьба очаровательна: Валерия мечется, одновременно желая поддаться и сопротивляться до последнего вздоха. Я выберу первый, но предвкушаю, что еще придется повозиться со вторым. Наклоняюсь к ее уху, обвожу языком мочку, слыша сдавленный стон. Замечательно. — Когда я вернусь, обязательно трахну твой потрясающий рот.

Чувствую прикосновение языка. Она сама облизывает мои пальцы и обхватывает их губами. Моя послушная пташка. Награждаю ее еще одним мазком по ушной раковине. Лера стонет уже громче, сжимает футболку на моей груди.

— Запомни, кто сделал тебя такой, — шепчу напоследок и отстраняюсь. — И води себя прилично, — подмигиваю ей, предупреждая раньше, чем мысли-искусители заберутся в ее красивую голову. — Ты не захочешь, чтобы я тебя наказывал.

Глава 13

Сажусь на байк и, бросив последний взгляд на дом, уезжаю по дороге, ведущей из Шикара. Нужно сосредоточиться, на все, о чем я могу думать — это Лера. Ее вкус, запах, голос, идеальное тело. И это тоже одна из причин, по которой мне сейчас нужно быть как можно дальше от нее. Потому что она бы сдалась, если бы я надавил чуть сильнее.

Опустилась бы на колени и отсосала мне. Раздвинула ноги и умоляла бы меня войти в нее, протаранив влажный вход. Она бы отдалась мне с такой легкостью и самозабвенностью, что сама бы в это не поверила. И я бы взял, грязно и бессовестно. Потому что могу и хочу. Потому что она моя, и пока она делает это все только со мной и только для меня, я прощу ей все. Даже оплошность в виде проректора, за которого она чуть было не вышла замуж.

Ошибки бывают у всех, Валерия не исключение. Важно, чтобы она поняла, что ее прошлое не должно перетекать в будущее.

Трасса встречает меня боковым ветром, который рвется снести мой байк. Злой, порывистый — он рьяно впирается в куртку, бьет по металлическому корпусу. Игнорировать его не получается. Внимательность на большой скорости — все. Стоит лишь на секунду потерять концентрацию, и финал может оказаться трагичным. Адреналин и без того гуляет по крови, намереваясь бросить тело в опасную авантюру. Угол зрения сужается до пятнадцати градусов, я полностью могу контролировать только свою полосу и совершенно не вижу чужую, если смотрю только прямо. Острота ощущений дурманит разум, колет иголками кончики пальцев на руках и ногах.

На мотоцикле я катаюсь реже, чем мне бы того хотелось. Машина привычнее, удобнее. В багажнике всегда можно спрятать неудобное тело или обрез. На крайний случай коллекцию клюшек для гольфа. Как оказалось, это удобное и элегантное оружие. Сталь и титановые сплавы прекрасно сочетаются, а при должной технике удара легко выбить зубы или даже сделать трещину в ребре.

Телефон звенит, но я игнорирую. Снова устремляюсь мыслями к Лере. Представляю, как вернусь в дом, и он наконец-то встретит меня не пустотой. Не то чтобы меня парило одиночество — я слишком молод, чтобы думать о таких вещах, — но Валерия, маленькая гордая пташка, слишком соблазнительная фантазия, которая уже трансформируется в реальность.

Чем ее приручить? Секс — слишком рискованно. Я заигрываю и рискую перегнуть. К тому же... он должен быть основан на доверии. Лера должна знать, что я не причиню ей вреда. Никогда. Я заставлю полыхать в огне мир, лишь бы гарантировать ей безопасность.

Мобильный снова разрывается, и я съезжаю на обочину. Снимаю шлем и перчатки. Верхняя губа дергается, когда вижу имя входящего. Он всегда звонит не вовремя. И за последние три года не сказал мне ни одного доброго слова. Но я все равно принимаю вызов и, набрав в грудь побольше холодного сентябрьского воздуха, подношу трубку к уху.

— Брат, — выдавливаю из себя усмешку. — Я уехал всего неделю назад. Неужели соскучился?

— Какого черта ты творишь? — цедит Роман по словам. Они вырываются из него ядовитым шипением. Что бы ни происходило, Сташевский-старший не переходит на крик. Он только сжимает кулаки до белеющих костяшек и стискивает челюсти до скрипа. Иногда бьет о стену бутылки с коллекционным виски.

— Что из всего, сделанного мной, ты имеешь в виду? — не даю ему ответов, по крайней мере сразу, хотя о моих планах брат осведомлен лучше, чем кто-либо другой. Когда стоишь по правую руку от главы важной организации, приходится быть открытым.

— Ко мне приезжал Фитц. Кристина рыдает третий день, — слышу, как он расхаживает по кабинету, стучит перстнем по столу. — Он отказывается идти на сделку, пока его дочь опечалена. Ты совсем из ума выжил? У тебя есть обязательства!

— Я не отказываюсь от них, — хмыкаю в трубку. Мимо проносится седан на бешеной скорости. Судя по номерам, кто-то неместный. Я не успеваю запомнить цифры, но нехорошее предчувствие колет в затылке. — Но предпочитаю идти к цели путем, исключаящим лишение свободы.

Вслух принятое мною решение ни он, ни я не озвучиваем. Роман всегда предпочитает говорить загадками, а я слишком сильно люблю бесить старшего, вечно брюзжащего брата.

— И поэтому ты устроил представление в университете? — брат устало вздыхает. — Мне звонил ректор, рассказал о том, как ты вторгся на совещание и увел преподавателя. Валерия Абрамова, кажется, — Роман выдерживает многозначительную паузу.

О том, что он узнал имя Леры, я не переживаю. Моего брата настолько бояться в стенах Шикарского университета, что готовы принести любую информацию в зубах по первому требованию, а голову любого неугодного — на блюде из столового серебра.

— Ты совершенно прав. Валерия Петровна Абрамова. Я познакомлю вас на новогодних каникулах, не переживай. Правда, мы пока не решили, ты приедешь к нам или мы к...

— Не паясничай! — рывкает в трубку Рома. — Ты прекрасно знаешь, что твое будущее с Валерией невозможно. Ты слишком значимая фигура на поле. И должен поступать соответственно, — он снова делает паузу, но когда начинает говорить вновь, тон его голоса становится обеспокоенным: — Оставь девушку в покое, пока не стало слишком поздно и о ней не узнал никто, хотя если учесть, что о твоей выходке знает весь преподавательский состав, не удивлюсь, если завтра утром вы станете главной новостью университета.

— О, мы обязательно станем, Роман. Я об этом позабочусь. Как и обо всем остальном, — отключаюсь первым, не прощаясь. В нашей семье вежливыми быть не принято.

Смотрю на часы. Время только близится к вечеру, но ждать у меня нет времени. Я и без того опаздываю. Снова завожу мотор и выжимаю из мотоцикла все, на что он способен.

В итоге еще через полтора часа оказываюсь перед заброшенным домом. Он посреди леса, сюда едва ли кто-то ходит. И это очень... удобно. В Шикаре много укромных мест, но все равно есть ощущение, будто ты на ладони у всего города. Здесь же идеальное место для того, что я задумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.